A 243/825

А 243
825
ЭБ

УБІЕНІЕ
ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

МОСКВА.

1881.

2007096023

УБІЕНІЕ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

Вечеромъ 1 марта министръ Внутреннихъ Дѣлъ телеграфировалъ въ Москву:

„Сегодня, 1 марта, въ 1 ч. 45 мин., при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ: первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества, разрывъ втораго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился пріобщиться Св. Таинъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ въ 3 часа 35 минутъ пополудни. Одинъ злодѣй схваченъ".

Московскія Вѣдомости 1 марта.

Совершилось! Царя-Освободителя не стало.

Внезапно постигло Россію страшное событіе, но осмѣлимся ли сказать что Богъ, столько разъ и такъ чудесно спасавшій эту дорогую жизнь, не довольно вразумительно предостерегалъ насъ?

Какое слово можетъ выразить всю великую народную скорбь, а вмѣстѣ и негодованіе, а вмѣстѣ и стыдъ нашъ? Среди своей столицы такъ ужасно умерщвленъ измѣнническою рукой Государь великаго народа, призваннаго имъ къ жизни и безгранично преданнаго ему!... Рядъ злодѣй-

скихъ покушеній достигъ наконецъ своей цѣли, и мы только теперь должнымъ образомъ поймемъ какъ мы были малодушны и какъ легкомысленно испытывали благость Божію.

Прости, возлюбленный Государь нашъ, родной каждому русскому честному сердцу! Ты будешь оплаканъ искренними слезами милліоновъ. Жизнь Твоя была великимъ подвигомъ полнымъ благодѣяній для Твоего народа: да будетъ же намъ и мученическая смерть Твоя спасительнымъ вразумленіемъ и Божіимъ указаніемъ что̀ дѣлать...

Подробности событія.

Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго Дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе двухъ саженъ отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полицеймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженъ 50 отъ угла Инженерной улицы, въ $2^1/_4$ часа пополудни, подъ каретой раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣеромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ что на панели со стороны канала солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ Императорской каретѣ, отворилъ дверцы и встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора доложилъ Его Величеству что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту гдѣ находился, уже окруженный толпой народа, задержанный человѣкъ, оказавшійся въ послѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: „что̀ съ Государемъ?“ на что̀ Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ

десяти до Рысакова, изволилъ сказать: *Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ!...* указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: „еще слава ли Богу?“ Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ задержавшихъ Рысакова вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствовавшихъ, спросилъ Рысакова кто онъ такой, на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади у самыхъ ногъ Его раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣгу и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствовавшихъ, какъ пострадавшихъ такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиной къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги Вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: *помоги*, и вскочивъ подбѣжалъ къ Нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: *холодно, холодно.* Тогда, приподнявъ Государя, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера Павловскаго Военнаго Училища и чины

проходившаго мимо караула отъ 8го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкой обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему брату, Великій Князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: *слышу*; на дальнѣйшій вопросъ Его Высочества о томъ какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: *скорѣе... во Дворецъ*, а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: *Несите меня во Дворецъ.... тамъ.... умретъ...* То были послѣднія, слышанныя свидѣтелями событія, слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Кузьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.*

Злодѣй бросившій роковую бомбу былъ самъ пораженъ ея осколками и умеръ не открывъ своего имени.

Во Дворецъ внесли Государя на коврѣ и положили на постель въ Его кабинетѣ возлѣ письменнаго стола за которымъ Онъ обыкновенно занимался. Прибыли Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Супругой и другіе Члены Императорской Семьи и медики. Страдалецъ лежалъ безъ движенія, испуская тихій стонъ; Его осторожно раздѣли, кровь была на лицѣ, ноги совсѣмъ раздроблены.

Обѣ голени ниже колѣнъ и до столы были превращены въ массу обрывковъ мускуловъ на которыхъ мѣстами висѣли осколки костей и мягкія части носили на себѣ слѣды обжога. На лѣвой верхней вѣкѣ замѣчался подтекъ также съ обжогомъ. Перчатка правой руки окровавлена. Во все время пути ко Дворцу кровь сильно сочилась изъ обо-

---

* Приведенныя подробности взяты изъ обвинительнаго акта по дѣлу о Цареубійствѣ.

рванныхъ мускуловъ обѣихъ голеней. Эти мускулы составляли единственную связь между столой и колѣнами обѣихъ ногъ, ибо кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывомъ. Каучуковые бинты немедленно были наложены на ноги выше колѣна, дабы сберечь кровь для питанія мозга. Рѣшено было наложить бинтъ на правую руку. Когда снята была окровавленная перчатка правой руки Государя, оказалось что на рукѣ было нѣсколько кровавыхъ подтековъ съ обжогомъ. Обручальное кольцо было совершенно сплюснуто спереди. Произведено было бинтованіе. Сердечные тоны стали яснѣе и появилось глотательное движеніе. Дыханіе стало глубже. Государь пріоткрылъ нѣсколько глаза и подъ вліяніемъ вспрыскиванія сѣрнокислымъ эѳиромъ и водой со льдомъ, при накачиваніи изъ баллона кислорода, дыханіе стало возстановляться. Этимъ моментомъ воспользовался духовникъ протопресвитеръ Бажановъ и пріобщилъ Его Величество Св. Таинъ. Сцена была въ высшей степени трогательная и умилительная. Казалось надежды воскресли. Судьба судила иначе. Стало замѣчаться постепенно ослабленіе сердечныхъ тоновъ. Дыханіе сдѣлалось поверхностное и чѣмъ далѣе тѣмъ рѣже и рѣже. Наконецъ въ 3 часа 35 минутъ дыханіе совсѣмъ замерло. Государя не стало...

Между тѣмъ вокругъ Дворца толпились уже массы народа. Что происходило на улицахъ, о томъ даетъ понятіе живое описаніе очевидца, помѣщенное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и набросанное авторомъ въ вагонѣ на пути въ Москву съ перваго марта на второе.

„Было около 2½ часовъ. На площади Казанскаго Собора послышались два удара очень сильные, будто отъ выстрѣла тяжелыхъ орудій. Извощикъ мой замѣтилъ: не взорвали ли пороховые погреба или заводъ. Народъ сталъ толпиться на Невскомъ и особенно у Казанскаго моста. Смотрѣли по направленію Екатерининскаго канала, къ Театральному мосту (близъ Царицына Луга). Спрашивали другъ друга; отвѣты были неопредѣленные, но тревоги особенной не было. Съ каланчи Думы подняты были тогда пожарный сигналъ. Одни говорили что на пожарѣ гдѣ-то былъ взрывъ; другіе что взрывъ былъ на Цари-

цыномъ Лугу и раненъ какой-то полицейскій. У Театральнаго мостика и на льду канала суетится народъ. По набережной канала, возвращаясь съ развода (бывающаго обыкновенно по воскресеньямъ, въ Михайловскомъ Манежѣ, въ присутствіи Государя отъ 1 до 2 часовъ), проходитъ взводъ кавалеріи (кажется конной гвардіи) къ Невскому Проспекту, и весьма спокойно. Я направляюсь къ Полицейскому мосту. Здѣсь большая толпа, какъ обыкновенно по воскресеньямъ, но замѣтно какое-то необычное движеніе. Опять разспросы, ждутъ чьего-то проѣзда. Вдругъ отъ Полицейскаго Моста, къ Большой Морской, скачетъ извощикъ и на немъ полицейскій офицеръ держитъ другаго полицейскаго же офицера, видимо раненаго или больнаго (онъ шатается на сидѣньи). Въ магазинѣ, куда я вошелъ, тутъ же на Невскомъ, много толковъ, говорятъ о несчастіи съ людьми, о взрывѣ; но гдѣ и что именно произошло—все какъ-то смутно. Нѣсколько минутъ спустя входитъ какой-то господинъ и говоритъ что взорванъ Театральный мостикъ, въ минуту проѣзда Государя, что убитъ конвойный, ранено нѣсколько полицейскихъ, но что Государь, слава Богу, невредимъ или раненъ легко, такъ какъ, выйдя изъ кареты, которой часть взорвана, продолжалъ путь пѣшкомъ. Я поспѣшно направляюсь къ площади Зимняго Дворца. Здѣсь уже толпа народа. У Дворца два взвода пѣхоты, часть конвоя Его Величества, жандармы, полиція. Пѣхота состоитъ изъ взвода моряковъ и взвода юнкеровъ какого-то военнаго училища. Многочисленныя группы у самаго Дворца, на тротуарахъ и у дворцовыхъ подъѣздовъ. Поминутно пріѣзжаютъ или приходятъ, вѣрнѣе подбѣгаютъ, сановники, члены дипломатическаго корпуса, придворныя дамы. Смятеніе, тревога всеобщія и все возрастаютъ. Подъѣзжаетъ въ каретѣ, видимо глубоко взволнованная, Великая Княгиня Александра Іосифовна, подъѣзжаетъ французскій посолъ. Вездѣ группы спрашивающихъ и сообщающихъ отрывочныя свѣдѣнія. Окружаютъ моряковъ и юнкеровъ, которые съ волненіемъ разказываютъ объ ужасномъ событіи, котораго они были свидѣтелями, возвращаясь, тою же дорогой, съ развода. Изъ всего вы-

сказаннаго можно было понять слѣдующее: Государь, послѣ развода, былъ у Великой Княгини Екатерины Михаиловны въ Михайловскомъ Дворцѣ и потомъ, около 2½ ч., возвращался въ Зимній Дворецъ, по набережной Екатерининскаго канала, въ каретѣ. Не доѣзжая Театральнаго мостика, произошелъ взрывъ подъ заднею частью кареты. Часть кареты взорвана, тяжело раненъ конвойный казакъ, упавшій тутъ же на мѣстѣ, ранено также нѣсколько полицейскихъ. Государь остался невредимъ, вышелъ изъ кареты и спросилъ кто раненъ. Окружающіе умоляли Его поспѣшить удалиться, но въ это время произошелъ новый взрывъ подъ самыми ногами Государя. Вторая бомба почти оторвала обѣ ноги ниже колѣна. Государя подняли и донесли до саней. Несли Государя между прочимъ моряки и юнкера которые возвращались, какъ уже сказано, тою же дорогой съ развода. Государь обратился къ одному изъ моряковъ и просилъ дать ему платокъ чтобъ утереть кровь на лицѣ, пораненномъ осколкомъ бомбы. На шинеляхъ и на рукахъ нѣкоторыхъ изъ юнкеровъ была кровь. Народъ тутъ же схватилъ одного изъ преступниковъ. Ранено всего, говорятъ, человѣкъ десять, въ томъ числѣ полковникъ Дворжицкій, полицеймейстеръ сопровождавшій Государя въ саняхъ. Состояніе Государя, какъ говорятъ въ группахъ сановниковъ, военныхъ и прочихъ лицъ у подъѣзда Дворца, опасное, но не безнадежное. Говорятъ о возможности будто бы ампутаціи. Высокопоставленныя лица стараются войти во Дворецъ, но часовые ихъ не впускаютъ. Подъѣзжаетъ генералъ-адъютантъ Треповъ, видимо больной и взволнованный. Въ глубокой скорби тутъ же у подъѣзда графъ С. Г. Строгановъ. Величаво выдѣляется средь толпы маститый старецъ. Никого не впускаютъ съ Салтыковскаго подъѣзда кромѣ Царской Фамиліи. Слухи все болѣе тревожные, горестные. Выѣзжаетъ изъ Дворца одинъ генералъ. Слышно не хорошо; ампутаціи рѣшились не дѣлать. Слышно: Государь пріобщился. Выходитъ изъ Дворца какой-то посланникъ—изъ его словъ можно понять всю ужасную истину—надежды нѣтъ... Но вотъ кто-то еще вышелъ, что-то ска-

залъ. Что?... Все смолкло, все какъ-то остолбенѣло. Что, *что* такое? Правда ли? Нѣтъ, *быть не можетъ*, нѣтъ, вѣдь это *не* правда?... Но всѣ они, всѣ стоятъ съ обнаженною головой и молча творятъ крестное знаменіе... Россія! ты ли это? Самый кроткій изъ царей, Тотъ чье любвеобильное сердце въ теченіе четверти вѣка билось только для блага подданныхъ... Не можетъ быть, это мой умъ помутился... Возможно ли, Боже, Боже! Нѣтъ, это все *правда*, ужасная, кровавая правда! Въ эту минуту слышу на другомъ концѣ площади, уже занятой почти сплошною массой народа, визгъ и гамъ. Какой-то молодой человѣкъ, смуглый, что-то сказалъ въ толпѣ и вотъ толпа влечетъ его въ руки начальства. Вотъ и еще „другаго схватили“... Кто онъ? также молодой еще человѣкъ, бѣлокурый, въ красной рубахѣ подъ грязнымъ пальто. Оба избиты, растрепаны, платья, волосы рвутся хлопьями. Казаки и полиція съ величайшимъ трудомъ вырываютъ ихъ изъ рукъ толпы и кажется имъ удается дотащить ихъ до воротъ зданія Главнаго Штаба. Многіе въ толпѣ кричатъ: живыми ихъ, живыми тащите, пусть прочихъ выдадутъ. Вотъ скачетъ полкъ казаковъ и на скаку окружаетъ Дворецъ. Въ толпѣ многіе плачутъ навзрыдъ. Да, плачьте, рыдайте *надъ собой!* надъ нами всѣми, надъ Россіей! Бѣдная, бѣдная ты наша мать, опозоренная самымъ ужаснымъ злодѣяніемъ какое когда-либо совершалось! Нѣтъ тому примѣра во всей исторіи человѣчества. Нѣтъ примѣра такой смерти Государя и какого Государя? Столько совершившаго для блага своихъ подданныхъ и такъ искренно ихъ любившаго!...

Сумерки сгустились; въ 7 часу я проѣзжалъ по Невскому Проспекту къ Николаевской желѣзной дорогѣ. Опять огромная толпа по лѣвую руку, ждутъ чьего-то проѣзда. Я взглянулъ направо: направо былъ Аничковъ Дворецъ“...

---

2 марта съ ранняго утра Сенатская типографія и типографія *Правительственнаго Вѣстника* наполнялись массами желавшихъ прочесть печатавшійся текстъ Манифеста. Движеніе бывшее наканунѣ возобновилось утромъ

отъ Аничкова моста по Невскому до Зимняго Дворца. Народъ начиная съ полудня усѣялъ путь желая привѣтствовать Вѣнценосную Чету при слѣдованіи Ея въ Зимній Дворецъ. На назначенный выходъ съѣздъ во Дворецъ былъ необычайный. Ровно въ часъ начался выходъ. Предшествуемый согласно церемоніалу придворными чинами, Государь, держа за руку Императрицу Марію Ѳеодоровну, изволилъ открыть шествіе. Государь былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ, Императрица въ бѣломъ платьѣ съ брилліантовою діадемой на главѣ. Наслѣдникъ престола, Николай Александровичъ, въ мундирѣ Преображенскаго полка, слѣдовалъ непосредственно за Августѣйшими Родителями. Затѣмъ въ шествіи участвовали остальные члены Царской Семьи. Въ ближайшей къ аванъ-залѣ Николаевской залѣ собрались генералитетъ и прочіе военные чины. Государь произнесъ здѣсь краткую рѣчь выразивъ благодарность за оказанное сочувствіе въ постигшемъ общемъ горѣ и увѣренность въ перенесеніи на Его Особу чувствъ преданности и любви бывшихъ со стороны войскъ удѣломъ его возлюбленнаго Родителя. Монархъ сказалъ что онъ совмѣстно съ Императрицей будетъ постоянно возносить мольбы Всевышнему о дарованіи благословенія всѣмъ начинаніямъ на пользу дорогой Россіи. Государь произнесъ эти слова сильно взволнованнымъ голосомъ неоднократно прерывавшимся отъ душившихъ его слезъ. Въ отвѣтъ раздалось единодушное восторженное *ура*. При вступленіи въ Гербовую залу гдѣ собрались гражданскіе чины и придворныя дамы, Ихъ Величества милостиво отвѣчали на привѣтствія собравшихся, но слезы постоянно выступавшія изъ глазъ Ихъ Величествъ и бывшія наглядным выраженіемъ Ихъ глубокой душевной скорби производили потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Эта великая Царская скорбь была необыкновенно сообщительна. Многіе плакали навзрыдъ среди общаго горестнаго настроенія. Тѣмъ не менѣе изъ груди присутствовавшихъ вырывались сочувственныя громкія привѣтственныя восклицанія къ Державной Четѣ. На лицахъ прочихъ Царскихъ особъ отражалась также постигшая ихъ великая скорбь. Шествіе замыкали высшіе сановники,

министры и сенаторы. Въ Большомъ придворномъ соборѣ, въ присутствіи Ихъ Величествъ, принесена присяга въ вѣрности. Минута когда наполнявшіе соборъ подняли правую руку при чтеніи присяги была величественная, затѣмъ, по возвращеніи Ихъ Величествъ во внутреннія покои, присягавшіе приложились къ Евангелію и Кресту и подписывались тутъ же въ соборѣ на заготовленныхъ присяжныхъ листахъ.

Въ тотъ же день присяга была принесена и въ Москвѣ. Въ началѣ 11 часа утра многочисленныя толпы народа направились въ Кремль. Кремлевскіе храмы переполнились молящимися о скончавшемся мученическою смертію возлюбленномъ Государѣ. Къ 11 часамъ все пространство между Успенскимъ соборомъ и Чудовымъ монастыремъ было занято народомъ разныхъ сословій и состояній. Въ 11 часовъ большой колоколъ Ивана Великаго тремя ударами возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ Государя. Въ Успенскій соборъ, наполнившійся военными и гражданскими чинами, прибылъ московскій генералъ-губернаторъ. Начался торжественный обрядъ принесенія присяги. Затѣмъ обоими викаріями Московской епархіи совершено было молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору Александру Александровичу.

Въ часъ пополудни въ Архангельскомъ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ совершена была панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ. Во время панихиды многіе плакали навзрыдъ.

Во 2 часу во всѣхъ церквахъ обыватели Москвы приносили присягу и затѣмъ на панихидахъ молились объ упокоеніи незабвеннаго Государя. Храмы были полны молящимися.

Московскія Вѣдомости 2 марта.

Ужасное событіе! Не отдохнешь отъ впечатлѣній этого дня позорной памяти, безпримѣрнаго въ исторіи Россіи. Подробность приходила за подробностью, и въ страшной живости рисуя это событіе предъ смущенною, оскорбленною, подавленною мыслью. Такъ вотъ конецъ славнаго

царствованія, вотъ чѣмъ завершилось двадцатипятилѣтіе непрерывныхъ преобразованій, поражавшихъ міръ своею быстротой и обнявшихъ ожиданія самыхъ либеральныхъ партій во всѣхъ странахъ! Вотъ какъ кончилъ дни Свои Государь мягкосердечный, человѣколюбивый, долготерпѣливый, болѣе принижавшій нежели превозносившій величіе Своихъ правъ! Послѣ цѣлаго ряда злодѣйскихъ покушеній на Его жизнь направлявшихся тайною крамолой враговъ Россіи, будто бы во имя какого-то прогресса, поставляющаго первою себѣ задачей разрушить и уничтожить все чѣмъ держится человѣческое общежитіе,—Государь совершившій столько великихъ преобразованій сколько не насчитаетъ вѣками въ исторической жизни народовъ, растерзанъ будто бы хищными звѣрями, раздробленъ адскими снарядами среди бѣлаго дня, въ своей столицѣ, на улицѣ, на людяхъ! Какія потрясающія подробности! Брошена бомба подъ карету въ которой ѣхалъ Государь. Онъ вышелъ изъ нея невредимъ и, какъ сказываютъ, перекрестился, благодаря Бога за новое чудо Своего спасенія. Повинуясь движенію Своего добраго сердца, Онъ остановился надъ однимъ изъ раненыхъ при взрывѣ, и вотъ новый взрывъ. Не такъ, не такъ ужасно было бы впечатлѣніе еслибы пуля Каракозова или Соловьева достигла своей проклятой цѣли! Рядъ злодѣйскихъ покушеній увѣнчался успѣхомъ самаго ужаснаго, самаго возмутительнаго, какъ будто требовалось сильнѣе дать намъ почувствовать смуту которую мы переживаемъ, какъ бы сильнѣе наказать и вразумить насъ. Какимъ невыразимо скорбнымъ назиданіемъ останется въ исторической памяти этотъ образъ Монарха истинно мученически окончившаго дни Свои послѣ столь славнаго царствованія.

Люди ищутъ власти, люди борются за власть, соблазняемые силою и почестями съ ней сопряженными. Увы! Власть есть тяжкое бремя; она возлагается на избранныхъ какъ служба, тѣмъ болѣе обязательная чѣмъ выше власть. Нѣтъ службы болѣе тяжкой какъ верховная власть надъ народами. Всякая свобода и самая жизнь по истинѣ человѣческая въ обществѣ возможны только при условіи

единой и безспорной, надъ всякою властью господствующей власти. Ея ослабленіе неизбѣжно лораждаетъ смуту. По мѣрѣ того какъ ослабляется дѣйствіе законной власти нараждаются дикія власти, начинается разложеніе, совершаются насилія, колеблются основы всякой нравственности, духъ растлѣнія овладѣваетъ умами и вмѣсто явнаго правительства появляются тайныя, дѣйствующія тѣмъ сильнѣе чѣмъ слабѣе дѣйствіе государственной власти.

Сегодня принесли мы присягу вступившему на прародительскій престолъ Государю Императору Александру Александровичу. Да будетъ же правдой данный нами предъ Богомъ обѣтъ! Да поможетъ Богъ нашему Государю въ великомъ ожидающемъ Его подвигѣ и да поможетъ намъ всѣмъ именующимъ себя образованными людьми послужить Ему вѣрой и правдой и для этого возвратиться къ своему народу и быть съ нимъ заодно. Да наступитъ для насъ съ новымъ царствованіемъ пора жить своимъ умомъ и быть самими собою, безъ чего никакія преобразованія и улучшенія въ прокъ не пойдутъ.

Помолимся чтобы прежде всего Богъ помогъ нашему Государю создать правительство вполнѣ способное содѣйствовать Ему въ исполненіи Его обѣта посвятить всю жизнь Свою „попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи“, какъ сказано въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 1 марта.

Московскія Вѣдомости 3 марта.

Со всѣхъ сторонъ міра несутся къ намъ изъявленія соболѣзнованія и негодованія по случаю постигшаго насъ бѣдствія. Всѣ соболѣзнуютъ Царскому Семейству и Русскому народу, постигнутому бѣдствіемъ нераздѣльно во всѣхъ своихъ сословіяхъ, всегда движимыхъ однимъ духомъ и однимъ чувствомъ въ годину испытаній. А негодуютъ на кого? Къ кому должно относиться всемірное негодованіе? Изъ совершителей злодѣянія одинъ пойманъ и обнаруженъ. Это девятнадцатилѣтній недоучка. Многимъ ли существенно разнится этотъ несовершеннолѣтній, и вмѣстѣ столь тяжкій, преступникъ отъ тѣхъ ребя-

тишекъ въ деревняхъ, которые за пряникъ поджигаютъ даже родительскій домъ? Могъ ли этотъ несчастный имѣть личную вражду къ особѣ Государя? Политическій преступникъ! Но какіе у этого вновь вылупившагося на свѣтъ Божій получеловѣка могли быть политическіе замыслы, достаточно серіозные чтобъ увлечь его на такое страшное дѣло? Нѣтъ, онъ былъ брошенъ на дѣло цареубійства какъ брошенъ былъ имъ самимъ смертоносный снарядъ. Значитъ нравственная сила негодованія можетъ относиться не столько къ этому презрѣнному орудію сколько къ той крамолѣ которая очевидно имѣетъ свои замыслы и конечно не стѣсняется въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Что же это за крамола, и какія у ней цѣли? Чего она домогается и зачѣмъ ей было нужно цареубійство? Что есть такой заговоръ, въ этомъ нельзя сомнѣваться; что есть у него какой-то замыселъ нуждавшійся въ цареубійствѣ, въ этомъ тоже нельзя сомнѣваться, если вспомнимъ съ какимъ упорствомъ, какъ систематически крамола возобновляла свои покушенія противъ въ Бозѣ почившаго Государя. Съ 1866 года было совершено пять, даже шесть (если считать неудавшіяся приготовленія въ Николаевѣ) преступныхъ покушеній предшествовавшихъ послѣднему. Какіе же замыслы требовали столько усилій направленныхъ къ одной возмутительной цѣли? Никакіе замыслы не могутъ оправдать такую цѣль; но надобно чтобъ они могли по крайней мѣрѣ объяснить ее. Катехизисъ нашихъ революціонеровъ, какъ мы знаемъ, никакихъ догматовъ не признаетъ кромѣ безусловнаго отрицанія. Требуется произвести смуту въ Россіи, подорвать всякій авторитетъ, парализовать всякую нравственную силу, вооружить сословія одно противъ другаго, зажечь усобицу, повергнуть все въ хаосъ. Но для чего же это? Для того ли чтобы захватить власть? Кто же изъ нихъ прочитъ себя на Всероссійскій Престолъ, или кто претендуетъ на званіе президента реслублики? Имѣетъ ли смыслъ такая затѣя? Могла ли бы она такъ долго и такъ упорно держаться, такъ неутомимо возобновлять свои попытки? Что же собственно серіознаго въ такихъ попыткахъ? Ничего иного кромѣ непри-

мимо враждебныхъ Россіи побужденій, направленныхъ къ тому чтобы поколебать и разстроить ее. Вотъ это такъ серіозная и понятная цѣль! Но она не можетъ прямо высказываться. Нуженъ пряникъ, нужно прикрытіе, нуженъ грубый радикализмъ чтобы вербовать недоучившуюся молодежь, нуженъ пошлый либерализмъ чтобы подкулать пустыхъ людей. На враговъ негодовать нечего. отъ враговъ нужно только отбиваться. Вся сила негодованія, весь стыдъ и безчестіе Россіи должны падать на насъ самихъ, именующихъ себя людьми образованными,— людей правящихъ, учащихъ, ораторствующихъ и пишущихъ....

Въ одной будто бы русской, хотя и на русскомъ языкѣ издаваемой газетѣ, недавно читали мы наглое увѣреніе что Россія съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ своротила на путь реакціи. Выходитъ что всѣ преобразованія славнаго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя были мрачною реакціей, а истинный прогрессъ какой эти друзья нашего отечества рекомендовали бы ему состоитъ въ золотыхъ грамотахъ, въ пожарахъ, въ уладкѣ патріотическаго духа, въ доктринахъ разложенія Россіи, въ систематическомъ развращеніи народа и учащейся молодежи, въ ея волненіяхъ, которыя начались предъ польскимъ возстаніемъ и съ тѣхъ поръ періодически возобновлялись. Вотъ прогрессъ которымъ должны бы мы были идти чтобъ угодить друзьямъ нашимъ и съ котораго мы свернули попавъ на путь національной политики, реакціи тожь.

Пора намъ отрезвиться, пора стать зрѣлыми и здравомыслящими людьми. Какое великое благо было бы для Россіи еслибы вмѣсто этой фальшивой образованности возобладалъ у насъ духъ здравомыслія, хотя бы простаго и совсѣмъ невыряднаго!

Попытки цареубійства были въ наши дни и въ другихъ странахъ. Императоръ Германскій, послѣ славной войны, на верху могущества и величія, подвергался разъ за разомъ двумъ покушеніямъ, изъ которыхъ одно было не совсѣмъ безуспѣшно. Были покушенія въ Италіи, въ Испаніи. Въ этихъ и другихъ странахъ Европы ра-

дикальныя идеи и безвѣріе распространены въ самомъ народѣ; тамъ есть массы бездомнаго населенія; но и тамъ попытки цареубійства имѣли видъ случайности и не принимали такого настойчиваго и систематическаго характера какъ у насъ въ эти послѣдніе годы. Двукратное покушеніе на императора Вильгельма сопровождалось быстрыми и рѣшительными мѣрами принятыми сильною и умною рукой. И вотъ многочисленная и дѣйствительно сильная партія соціализма, имѣющая своихъ представителей даже въ законодательныхъ собраніяхъ, партія эта была мгновенно приведена въ бездѣйствіе. А у насъ покушенія все усиливались и съ каждымъ разомъ становились все болѣе дерзкими. Администраторы заговорили сами языкомъ если не *Земли и Воли*, то фельетоновъ *Голоса*. Противъ зла принимались мѣры, но какія?—полумѣры только поднимавшія и возбуждавшія духъ злоумышленниковъ. Вся эта исторія покушеній и мѣръ которыя ими вызывались породили мнѣніе о безсиліи законной власти, которая въ дѣйствительности крѣпка и сильна, и можетъ, если захочетъ, стать крѣпче и сильнѣе чѣмъ когда-либо.

Дай Богъ намъ, съ началомъ новаго царствованія, очистить нашу нравственную атмосферу и поднять въ нашемъ образованномъ обществѣ русскій патріотическій духъ который дурному насъ не научитъ...

Московскія Вѣдомости 4 марта.

Преклонимся предъ этимъ гробомъ земнаго величія. Въ немъ покоятся останки Государя обладавшаго великимъ могуществомъ, бо́льшимъ чѣмъ быть-можетъ самому Ему было свѣдомо. Онъ стоялъ на высотѣ славы, любви народной, удивленія цѣлаго міра. Но лишь издали, и только несмысленному взору, могъ казаться завиднымъ и легкимъ Его жребій. Съ той минуты какъ пало на Него бремя правленія, жизнь Его была самою тягостною какая только можетъ пасть на человѣка повинностью. Всегда тягостно бремя верховной власти, но въ Бозѣ почившій Государь былъ призванъ об-

новить жизнь предводимаго Имъ народа и извести его изъ египетскаго плѣна. Онъ послышалъ этотъ призывъ съ самаго начала, и послушно обрекъ Себя его исполненію. При какихъ страшно трудныхъ обстоятельствахъ принялъ Онъ государственное правленіе! Какую великую предстояло затѣмъ вскорѣ рѣшить задачу! Предстояло бережно и не потрясая земли изъять изъ нея то что̀ укоренилось вѣками и на чемъ все держалось, и затѣмъ измѣнить весь строй народной жизни. Міръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на происходившее въ нашемъ отечествѣ. Совершались одно за другимъ событія всеобъемлющаго значенія. Простой наблюдатель слѣдившій за ходомъ этихъ событій, даже постороннiй и въ нихъ не замѣшанный, не могъ оставаться равнодушнымъ: что̀ же долженъ былъ испытывать ихъ совершитель, тотъ кто несъ на себѣ всю тяжесть рѣшенiй, кто переживалъ ежедневно муку колебанiй и опасенiй? Всякiй знаетъ по собственному опыту какъ тяжело принимать рѣшенія отъ которыхъ зависитъ судьба наша и лицъ съ нами связанныхъ, и всякiй можетъ хотя приблизительно оцѣнить что̀ долженъ былъ испытывать принимая свои рѣшенія верховный вождь великаго народа, освободитель милліоновъ, преобразователь и обновитель своей страны. И не было Ему отдыха, не было минуты успокоенія.

Нѣтъ, не на радость дается жребій власти, и великая честь которою она окружена далеко не искупаетъ для человѣческаго сердца тяжесть этой повинности, самой тяжкой какая только можетъ выпасть человѣку на землѣ. Мученическая кончина въ Бозѣ почившаго Государя была завершеніемъ истинно подвижническаго жребія.

Воспитанный, какъ и всѣ мы, въ сферѣ космополитическихъ идей, какъ глубоко потомъ, управляя судьбами Своего народа, Онъ отзывался въ тайникѣ Своего сердца на призывы его духа, слѣдуя въ своихъ рѣшеніяхъ народному чувству, преодолѣвая всѣ иныя соображенія и внушенія! Послѣдняя война наша служитъ тому живымъ и недавнимъ свидѣтельствомъ.

Онъ не превозносился Своею властію и скорѣе не

вполнѣ чѣмъ слишкомъ пользовался ею. Доброта и кротость Его сердца вели нерѣдко къ умаленію дѣйствія власти тамъ гдѣ ожидалась и гдѣ была необходима вся полнота ея дѣйствія. Въ дѣлѣ правленія Онъ стѣснялъ и связывалъ Себя несравненно болѣе чѣмъ могли бы ограничить Его какія-либо формальныя условія. Такъ мало былъ властолюбивъ Онъ что принижая и стѣсняя Себя, Онъ былъ постоянно въ опасности уронить самое начало власти, собранной и утвержденной трудомъ и кровью всей исторіи нашего народа,—начало долженствующее служить оградой всякой истинно человѣческой свободы и нравственнаго порядка въ государствѣ и быть движущею силой Его развитія. Нѣтъ, не отъ Государя, каковъ былъ въ Бозѣ почившій Императоръ, требовалось въ чемъ-нибудь искать обезпеченія, но въ Немъ, напротивъ, искала себѣ обезпеченіе честная свобода и доброе право.

Мы, русскіе люди, преклоняясь предъ гробомъ Александра II, вѣруемъ что жизнь Его была по истинѣ угоднымъ Богу подвигомъ. Въ событіяхъ Его царствованія для вѣрующаго чувства особенно ясно было дѣйствіе Промысла обращавшаго во благо всякую опасность, и въ торжество и побѣду что̀ казалось грозило намъ ущербомъ и пораженіемъ. Самая кончина Его, во всемъ ея ужасѣ, наказуя насъ, возвышаетъ и просвѣтляетъ Его память. Исторія скажетъ то что̀ и теперь для чуткаго ума ясно,—она скажетъ что всѣ скорби Его жизни и самая смерть Его были искупительною жертвой за Русскій народъ, за Россію, за ея величіе, за ея призваніе. Онъ палъ сраженный коварствомъ враговъ своей страны.

Весь смыслъ русской исторіи и вся государственная мудрость въ томъ состоятъ чтобы верховная власть нашего народа была неразрывно связана съ нимъ, и чтобъ управленіе имъ было живымъ и яснымъ выраженіемъ этого единства. Сохрани насъ Боже отъ всего что̀ можетъ раздѣлить ихъ и поставить ихъ какъ бы въ два лагеря, одинъ противъ другаго, каждый со своими особыми интересами! Никакія формулы выработанныя жизнью другихъ странъ не могутъ быть приложимы къ отношеніямъ верховной власти къ народу въ Россіи. Мы

дѣлали ошибки въ нашихъ учрежденіяхъ и онѣ вносили много смуты въ нашу жизнь, парализуя ея силы; но всякая ошибка, даже самая малая на видъ, была бы бѣдствіемъ непоправимымъ.

Да предохранитъ насъ Богъ ото всякихъ обмановъ и искушеній, а всего болѣе отъ собственнаго нашего легкомыслія и неразумія! Да соблюдетъ верховная власть на Руси свое священное значеніе, и всю полноту, всю свободу свою въ живомъ единеніи съ народными силами!...

Московскія Вѣдомости 5 марта.

Неужели мы и теперь, даже предъ этимъ гробомъ, не образумимся, не очнемся, не почувствуемъ какъ насъ морочатъ? Неужели и теперь будемъ все также переносить, съ подобострастно-либеральною улыбкой, неслыханное поруганіе надъ нашимъ бѣднымъ отечествомъ? Въ самый день петербургскаго злодѣянія, въ разныхъ мѣстахъ Петербурга, появилась прокламація отъ „Исполнительнаго Комитета". Своею гнусностью и ложью она превосходитъ всякое вѣроятіе, хотя это не значитъ чтобъ она своимъ лотибомъ вовсе не походила на нѣкоторыя передовыя статьи и фельетоны нашей либеральной „прессы". Всего возмутительнѣе то что этотъ „Исполнительный Комитетъ", извѣщая съ торжествомъ о совершенномъ злодѣяніи, говоритъ какъ бы отъ имени Русскаго народа, выдавая себя за выразителя его желаній, за представителя его стремленій и интересовъ, и обращается къ „мужеству и патріотизму русскихъ гражданъ съ просьбой о поддержкѣ" въ его дальнѣйшей дѣятельности. Онъ радуется что его „усилія" увѣнчались наконецъ „успѣхомъ"; онъ торжествуетъ побѣду и именуетъ свое проклятое дѣло *казнію*. „Исполнительный Комитетъ, — такъ гласитъ прокламація, — все время не выпускалъ оружія изъ рукъ, постановивъ привести казнь въ исполненіе во что бы то ни стало. 1 марта это исполнено". Но вниманіе людей умѣющихъ читать остановится не на этихъ гнусностяхъ; ихъ поразятъ слѣдующія слова: „Исполнительный Комитетъ считаетъ необ„ходимымъ снова напомнить во всеуслышаніе что онъ

„неоднократно предостерегалъ нынѣ умершаго тирана, „неоднократно увѣщевалъ его покончить свою человѣко-„убійственную расправу и *возвратить Россіи ея есте-„ственныя права.*“ Подумайте, какому безумцу изъ русскихъ людей могло бы придти въ голову что Императоръ Александръ II захватилъ какія-то у Россіи естественныя права, которыми она до него пользовалась, и не возвращалъ ихъ? Вы поймете что отъ имени какого бы то ни было безумнаго дѣла русскаго происхожденія могло бы сказаться что-нибудь еще хуже и лживѣе, но никакъ не то что Александръ II не возвращалъ Россіи естественныхъ правъ? Поставьте вмѣсто „Россіи“ другое имя, и вы получите смыслъ опредѣленный и ясный, и будете знать съ кѣмъ считаться. Затѣмъ вы поймете смыслъ дальнѣйшихъ словъ напоминающихъ русскому царю „объ исторической справедливости“. Всѣ эти обмолвки невольно легли подъ перо вожаковъ дѣла гораздо болѣе серіозныхъ чѣмъ недоучка Желябо. Увы, въ восемнадцать лѣтъ протекшихъ послѣ 1863 года, мы совсѣмъ забыли о польскомъ дѣлѣ, которое тогда раскрылось было предъ нами со всею своею непримиримою враждой къ Россіи, со всѣми ужасами своихъ злодѣяній, со всѣмъ ядомъ своего коварства. Мы забыли это дѣло, порождавшее и воспѣвавшее Конрадовъ Валенродовъ. У насъ вовсе вышелъ изъ памяти знаменитый катехизисъ „польской справы“, который въ тѣ отдаленныя времена всѣмъ былъ извѣстенъ и всѣми цитовался. Мы все это забыли, а Желябы и Рысаковы тогда еще и на свѣтѣ не были или были въ пеленкахъ. Боже насъ сохрани обвинять людей польскаго происхожденія въ прикосновенности или даже сочувствіи тѣмъ злодѣяніямъ которыя теперь творятся на Руси. Дѣло не въ мирныхъ населеніяхъ, не въ добрыхъ гражданахъ и честныхъ подданныхъ; дѣло въ томъ ядѣ который именуется „польскою справой“, въ тѣхъ честолюбцахъ которые не покидаютъ надежды возстановить старую Польшу на развалинахъ Россіи, которые не считаютъ дѣломъ покончennымъ историческую борьбу между этими двумя славянскими народами. Событія 1863 года обнаружили всю хитрую, съ іезуитскимъ искусствомъ придуманную и

устроенную революціонную организацію. Въ то время, увы, также были безумцы изъ Русскихъ, которые попадали въ клѣтки польской организаціи и становились измѣнниками своему народу, думая что ратуютъ за свободу противъ деспотизма. Многіе изъ нихъ безславно погибли во вражескихъ рядахъ, а другіе, когда дѣло разыгралось и изобличилось, съ омерзеніемъ и ужасомъ поняли куда вовлекалъ ихъ обманъ. Живо вспоминаются намъ событія того времени какъ русскимъ солдатамъ плевали въ лицо, какъ ихъ измѣнически перерѣзали, какъ русской женщинѣ нельзя было показаться на улицахъ въ Вильнѣ не опасаясь быть оскорбленною; какъ наша администрація давала дурачить себя и плясала либеральный канканъ подъ дудку то бѣлыхъ, то красныхъ вожаковъ „польской справы“, какъ сами русскія власти помогали этимъ вожакамъ набирать и дисциплинировать армію, и какъ напирала на насъ европейская интрига, и какъ, наконецъ, наше оскорбленное народное чувство, вспрянувъ, расправилось и съ европейскою интригой и съ польскимъ мятежомъ. Съ тѣхъ поръ „польская справа“ притихла, но она не исчезла. Мы не довершили начатаго, мы обманули себя: мѣры, которыя мы принимали, превратились въ полумѣры, а полумѣры хуже чѣмъ непринятіе никакихъ мѣръ. Мы не освободили польскую народность отъ яда которымъ она заражена и который дѣлаетъ ее отравою для Россіи; мы только вогнали этотъ ядъ глубже внутрь. Успокоившись, мы все забыли. Опытъ ничему не научилъ насъ, но вожаки польской справы стали гораздо опытнѣе и перемѣнили планъ дѣйствій. Не разчитывая болѣе на поддержку европейскихъ державъ, они постарались примазаться къ такъ-называемой всесвѣтной революціи, и въ 1864 году, на митингѣ рабочихъ въ пользу Польши, въ Лондонѣ, впервые явилась на свѣтъ „Интернаціоналка“, а уже въ 1866 году Каракозовъ стрѣлялъ въ Царя-Освободителя. Революціонная организація была перекинута внутрь Россіи съ тѣмъ чтобы клѣтки ея наполнять людьми чисто русскаго происхожденія во имя всемірной анархіи и всякаго рода революціонныхъ идей. Была поведена неотступная осада нашихъ учебныхъ заведеній, и мы сами съ невообразимою

глупостью и варварствомъ, подъ видомъ либерализма, предавали и предаемъ врагамъ нашихъ дѣтей, наше учащееся юношество...

Хорошо было бы нашимъ революціонерамъ, съ изумительною рабскою покорностію исполняющимъ предписанія таинственныхъ властей, прочесть инструкціи Мѣрославскаго, учившаго польскихъ вожаковъ ловить русскихъ нигилистовъ и употреблять ихъ въ дѣло съ тѣмъ чтобы потомъ, когда Россія рухнетъ и польское дѣло восторжествуетъ, безпощадно истреблять ихъ какъ гадинъ...

Раскрытія послѣдовавшія за днемъ страшной катастрофы обнаружили всю ширину адскаго замысла. Оказывается что на Малой Садовой, по которой имѣлъ обыкновеніе проѣзжать почившій Государь, былъ заготовленъ подкопъ съ громаднымъ запасомъ динамита способнымъ взорвать цѣлую улицу. Подкопъ заготовлялся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, снятой какимъ-то молодымъ человѣкомъ Кобозевымъ, жившимъ съ молодою женщиной, которую звалъ женою, по паспорту крестьянина изъ Воронежской губерніи. Новые обыватели лавки, манерами своими не обнаруживавшіе принадлежности къ крестьянскому сословію, обратили на себя вниманіе. Полиція знала о ихъ появленіи. Въ лавкѣ, наканунѣ роковаго дня, произведенъ былъ даже обыскъ въ крайне странной формѣ—„подъ предлогомъ сырости помѣщенія“. Для осмотра посланъ былъ техникъ состоящій при градоначальникѣ генералъ-майоръ Мровинскій. И что же? Ничего подозрительнаго не открыто. Между тѣмъ огромныя кучи и бочки земли вынутой для подкопа лежали въ чуланѣ; въ комнатѣ были сверлильные инструменты; подъ настилкой у подоконника корзина съ гальваническою батареей и за ней правильный подкопъ выложенный досками. Еслибы подкопъ былъ открытъ и злодѣи были захвачены, то Государь, предупрежденный объ опасности, быть-можетъ отложилъ бы выѣздъ, или по крайней мѣрѣ предосторожности были бы удесятерены. Мысль о подкопѣ, повидимому, не пришла и въ голову.

Между тѣмъ эта мина оказавшаяся по изслѣдованію верхомъ искусства, „послѣднимъ словомъ минной науки“, была не первымъ опытомъ въ своемъ родѣ. Если московскій подкопъ былъ поразительною неожиданностью, то никакъ нельзя того же сказать о настоящемъ случаѣ, которому предшествовало покушеніе Гартманна, подкопъ на Южной дорогѣ и взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ! И между тѣмъ, послѣ всѣхъ этихъ предостереженій, на людной улицѣ въ столицѣ, почти на глазахъ у всѣхъ, удалось заложить цѣлую правильную мину, взрывъ которой произвелъ бы страшное опустошеніе. Не должна ли эта исторія придать новой дерзости революціонной шайкѣ какъ свидѣтельство крайней неумѣлости въ рядахъ тѣхъ на кого возложено ее изловить? Въ тревожное время,—ибо если публика могла убаюкивать себя газетными завѣреніями что все успокоилось и никакой шайки болѣе нѣтъ, такого пріятнаго сна не могла имѣть полиція,—когда съ разныхъ сторонъ приходили предувѣдомленія, были захвачены замѣтные дѣятели пропаганды, въ революціонномъ муравейникѣ слышалась бѣготня,—въ такое время не достаетъ рѣшимости прямо войти въ подозрительную лавчонку, гдѣ ничего не продается, но куда ежедневно шатаются какіе-то молодые люди, а требуется прибѣгнуть къ окольному пути и отправить съ любезнымъ визитомъ инженернаго генерала понавѣдаться у почтенныхъ обитателей, отъ имени санитарнаго комитета, не сыро ли у нихъ въ подвалѣ. Какъ будто только и есть двѣ системы: или дико накинуться на людей, безъ разбора хватая всякаго кто попадется подъ руку, или явиться съ либеральнымъ подобострастіемъ якобы европейскаго уваженія къ личности, спрашивая вора какъ ему угодно убѣжать.

Позорная для цѣлаго народа удача петербургской революціонной шайки подняла ея дерзость, и можно опасаться новыхъ ея подвиговъ. Прокламаціи были наклеены въ разныхъ мѣстахъ Петербурга, проникли въ стѣны Университета и Технологическаго Института. Захватываемые по горячимъ слѣдамъ участники замысла стрѣляютъ въ арестующихъ или убиваютъ себя, свидѣтельствуя о состояніи возбужденія въ какомъ находится

шайка, и она едва ли сдастся на масличную вѣтвь которою уже ломаваютъ газеты.

Ложь и обманъ—отличительное явленіе нашего позорнаго времени. Ихъ вѣрное зеркало „наша либеральная печать“. Могила не приняла еще тѣло Царственнаго Страдальца, а уже сколько фальши наговорено по поводу ужасающаго событія! Какая логика кромѣ логики обмана была бы въ состояніи обратить фактъ совершившагося цареубійства въ доказательство необходимости „либеральныхъ учрежденій“? Аргументаторы даже не замѣчаютъ какую двусмысленную роль даютъ они „конституціонному движенію“ которому хотятъ сослужить службу. Одно изъ двухъ: если страшное преступленіе надлежитъ объяснять тѣмъ что не сдѣлано надлежащей уступки „движенію“, то значитъ движенію этому слѣдуетъ приписать связь съ преступною шайкой то выступающею, то удаляемою въ норы. Или шайка эта есть мѣстное пораженіе, наростъ который надлежитъ вырвать съ корнемъ. Тогда причемъ же тутъ конституція? Воровъ ловятъ отряжая стражу, пожаръ тушатъ привозя трубы. Съ ними „общественныхъ договоровъ“ не заключаютъ. Возстановить порядокъ, оградить спокойствіе, призвать людей власть имѣющихъ къ исполненію забытыхъ обязанностей, вотъ задача минуты.

Московскія Вѣдомости 6 марта.

Эта шайка злоумышленниковъ которая, къ нашему позору, родилась, развилась и укрѣпилась среди насъ, обнаруживаетъ замѣчательный подъемъ духа. Нельзя не признать этого, да и можетъ ли быть иначе? Чѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ священнѣе та сила противъ которой они дѣйствуютъ, и дѣйствуютъ успѣшно, тѣмъ болѣе долженъ расти у нихъ духъ. Начало верховной власти въ Россіи священно и могущественно; оно быть-можетъ сильнѣе нынѣ чѣмъ когда-либо въ сердцѣ Русскаго народа. Но, къ несчастію Россіи и въ Бозѣ почившаго Императора, дѣйствіе этого начала ослабѣло, парализованное колеблющимся мнѣніемъ. Оно мнимо ослабѣло, но мнимая слабость есть также слабость. Что мнѣ

пользы что у меня здоровыя ноги и руки крѣпкія, если я нахожусь подъ обаяніемъ мысли что онѣ стеклянныя или что онѣ связаны и что я не могу ими дѣйствовать? Мы всѣ страдаемъ мнѣніемъ не соотвѣтствующимъ истинѣ нашего дѣйствительнаго положенія и вносящимъ смуту и неправильность въ наши дѣла. Наши мысли вращаются въ мірѣ мнимаго, и мнимая слабость наша, выражаясь въ нашихъ дѣйствіяхъ, поднимаетъ безмѣрно духъ въ злоумышленникахъ. Презрѣнное и ничтожное становится силою, мнимою въ сущности, но тѣмъ не менѣе силою, которая растетъ, воодушевляя покорныхъ ей людей. Еслибы злой умыселъ былъ направленъ на предметъ малый и незначительный, то и самъ онъ былъ бы малъ и незначителенъ. Но злой умыселъ съ которымъ мы боремся, либерально связавъ себя по рукамъ и ногамъ, направленъ противъ предмета великаго и священнаго, противъ начала которымъ держатся бытіе нашего народа, величіе и будущность нашей Россіи. Какъ же злому умыслу не возрасти духомъ при одной возможности борьбы съ этою силой, а тѣмъ болѣе при борьбѣ не безуспѣшной? Нельзя безъ трепета подумать о послѣдствіяхъ еслибъ и теперь, послѣ того что̀ совершилось, при начинающемся новомъ царствованіи, какое-либо дѣйствіе власти могло быть истолковано, хотя бы и ложно, въ смыслѣ ея слабости и неувѣренности въ себѣ!

Да положитъ Богъ на сердце Государю нашему только-что вступившему на прародительскій престолъ начать свое управленіе въ Москвѣ. Здѣсь, гдѣ собиралось наше государство и возносилась надъ всякою властью и утверждалась верховная власть, здѣсь, въ Кремлѣ, полномъ священныхъ преданій, призраки исчезнутъ, навожденіе прекратится и наше мнѣніе исцѣлится. Здѣсь иная нравственная атмосфера чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ господствуетъ по преимуществу больной мнѣніемъ нашъ официальный міръ, гдѣ зло родилось и питается, гдѣ оно главнымъ образомъ сосредоточено. Отсюда, и только отсюда, могутъ быть успѣшно приняты мѣры къ очищенію Русской земли отъ крамолы. Здѣсь только власть можетъ возымѣть свое полное и благотворное дѣйствіе, которое всѣхъ успокоитъ, подниметъ поникшій въ народѣ духъ, оживитъ и укрѣ-

литъ все здравомыслящее и честное на Руси. Что̀ затѣмъ Богъ положитъ на сердце Вѣнценосному Вождю Русскаго народа, то въ Московскомъ Кремлѣ родится на свѣтъ неповрежденно и свято.

Перенесеніе тѣла въ Петропавловскій Соборъ и преданіе землѣ.

6 марта, въ одиннадцать съ половиною часовъ утра, совершилось въ величайшемъ порядкѣ, согласно установленному церемоніалу, перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Большаго Придворнаго Собора Зимняго Дворца въ Петропавловскій Соборъ. Все населеніе столицы, множество народа изъ окрестностей, а также прибывшіе съ дальнихъ концовъ Россіи, провожали гробъ Великаго, Возлюбленнаго Монарха. Съ разсвѣтомъ началось сильное движеніе на всѣхъ улицахъ. Народъ валилъ со всѣхъ сторонъ сплошными массами и занялъ громадное пространство на всемъ длинномъ семиверстномъ пути печальнаго шествія. Всѣ городскіе дома облеклись въ глубокій трауръ; особенно выдавалось траурное убранство зданія Думы, Гостинаго Двора и помѣщеній иностранныхъ посольствъ, выкинувшихъ траурные флаги. Ровно въ 9½ часовъ утра тремя пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости данъ былъ первый сигналъ для лицъ участвующихъ въ печальной церемоніи; войска гвардіи и Петербургскаго военнаго округа расположились шпалерами отъ Зимняго Дворца до Петропавловской крѣпости на пути всего слѣдованія печальнаго кортежа, кромѣ тѣхъ частей войскъ которыя участвовали въ процессіи. Войска были одѣты въ парадной формѣ, въ мундирахъ, при караульной аммуниціи, въ глубокомъ траурѣ. Въ началѣ одиннадцатаго часа утра, вдоль пути шествія между Зимнимъ Дворцемъ и Николаевскимъ мостомъ началось усиленное движеніе. Лица участвующія въ процессіи спѣшили занять свои мѣста. Окна и балконы домовъ по пути были заняты множествомъ людей. Начавшееся суетливое движеніе было какъ бы предвѣстникомъ скораго установленія порядка всего церемо-

нiала. Дѣйствительно, когда, въ одиннадцать часовъ утра, раздался второй сигналъ, всѣ были на своихъ мѣстахъ. Въ это время въ Большомъ Соборѣ Зимняго Дворца, вокругъ гроба Императора, собрались Ихъ Величества и всѣ члены Царской Семьи. По отслуженiи краткой литiи митрополитомъ Исидоромъ, въ сослуженiи митрополитовъ Московскаго Макарiя, Кiевскаго Филоѳея и четырехъ епископовъ, сперва вынесены изъ церкви ордена и регалiи, затѣмъ, въ предшествiи пѣвчихъ и духовенства, гробъ понесли члены Царской Семьи. Изголовье гроба несъ Государь Императоръ. Гробъ былъ внесенъ на Iорданскiй подъѣздъ и поставленъ на траурную колесницу запряженную восемью лошадьми въ траурныхъ попонахъ съ Императорскими гербами. Колесница имѣетъ видъ балдахина изъ золотой парчи; вокругъ карниза балдахина рядъ букетовъ изъ страусовыхъ перьевъ; на вершинѣ балдахина Императорская корона. Раздался третiй сигналъ: ударъ большаго колокола въ Исаакiевскомъ соборѣ, затѣмъ во всѣхъ церквахъ погребальный перезвонъ. Это было въ $11^1/_2$ часовъ. Чтобы судить о протяженiи печальнаго кортежа достаточно сказать, что когда траурная колесница двинулась отъ Iорданскаго подъѣзда Дворца, голова процессiи, именно собственный Его Величества конвой, находилась уже въ Первой линiи Васильевскаго Острова. Во время шествiя войска, стоявшiя шпалерами, отдавали честь, музыка играла на молитву и „Коль славенъ“. Непосредственно за гробомъ шелъ Государь Императоръ безъ пальто, въ одномъ мундирѣ, въ общей генеральской формѣ съ Андреевскою лентой черезъ плечо. За Государемъ слѣдовали, также пѣшкомъ и безъ шинелей, члены Императорской Семьи, нѣсколько правѣе—министръ Двора и свита Государя. Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ слѣдовали въ траурной каретѣ. Въ слѣдующихъ каретахъ ѣхали: Герцогиня Эдинбургская и Великiя Княгини. До прибытiя процессiи къ Петропавловскому Собору, въ немъ собрались чины дипломатическаго корпуса, придворныя дамы, генералы не участвовавшiе въ процессiи, высшiе гражданскiе чины, дворянство и купечество. Соборъ преобразился. Среди него, между четырьмя колоннами,

воздвигнутъ балдахинъ; почти непосредственно подъ потолкомъ храма установлена золотая Императорская корона, составляющая вершину овальнаго полукруга который представляетъ державу; отъ нея идетъ какъ бы мантія, въ видѣ драпри, спущенная внизъ; длинными концами мантіи обвиты четыре колонны; такимъ образомъ сооруженіе имѣетъ видъ шатра. На куполѣ балдахина, въ нижнемъ его основаніи, установленъ рядъ Императорскихъ гербовъ и споловъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Катафалкъ установленъ на крестообразномъ возвышеніи о семи ступеняхъ. Драпри балдахина изъ бѣлой серебряной парчи, внутри балдахинъ обитъ горностаемъ съ виднѣющимися въ разныхъ мѣстахъ Императорскими гербами въ траурѣ; траурныя занавѣси и обтянутыя черною матеріей колонны дополняютъ траурное убранство храма. Только въ 2 часа 20 минутъ пополудни гробъ прибылъ къ Собору, былъ внесенъ въ Соборъ членами Царской Семьи и поставленъ на катафалкѣ. Государь и вся Царская Семья стали на возвышеніи подлѣ гроба. Въ тотъ моментъ когда гробъ вносился во храмъ, всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна; то же самое произошло при совершеніи панихиды, когда пѣлось „Со Святыми упокой“, и „Вѣчная память“. О томъ что останки Государя внесены подъ сѣнь Петропавловскаго Собора столица узнала по раздавшимся съ крѣпости пушечнымъ выстрѣламъ. До самаго окончанія печальной церемоніи всѣ магазины были закрыты, на фабрикахъ не работали весь день.

Московскія Вѣдомости 14 марта.

Завтра погребаемъ мы Царя какого долго-долго, вѣками, ждала многострадальная и тяжко испытанная Русская земля, кто принесъ ей даръ свободы и благодать обновленія, и теперь въ своемъ царствѣ, въ своей столицѣ, мученически растерзанъ врагами своего народа.

Его царствованіе было обильно чудными проявленіями Божественнаго Промысла, властвующаго въ судьбахъ народовъ. О, сколько разъ, слѣдя съ замираніемъ сердца за ходомъ событій, мы приходили въ уныніе, и сколь-

ко разъ съ изумленіемъ и радостію видѣли мы какъ событіе грозившее бѣдой и упадкомъ обращалось во благо нашему отечеству и во славу нашему государству! Пути Божіи не то что наши пути. Выходило не то что всѣми ожидалось по человѣческимъ разчетамъ, выходило противное тому чего мы опасались или на что наши недруги надѣялись. Вотъ и въ самой кончинѣ его—явное для насъ знаменіе. Ужасъ его кончины ладетъ вѣчнымъ проклятіемъ на злодѣевъ и лолустителей злодѣянія; но усолшему и для его памяти мученическая смерть его будетъ оправданіемъ и прославленіемъ. Никакое торжество не могло бы такъ возвысить и прославить его какъ мрачное злодѣяніе пресѣкшее дни его. Ничто не могло бы такъ обновить живую связь между властью и свободой, между Царемъ и народомъ въ Россіи, — ничто не могло бы такъ укрѣпить и такъ вознести надъ всякими опасеніями силу Россіи,—какъ этотъ ударъ налравленный злодѣйскою рукой на ея конечную лагубу.

Давно злоумышленники, ловинуясь тайной крамолѣ, локушались на жизнь Государя который виновенъ былъ только обиліемъ своихъ благодѣяній для народа, только тѣмъ что благодѣющая рука его не оскудѣвала, только тѣмъ что онъ лодиялъ на небывалую доселѣ высоту благоденствіе лодвластной ему великой страны и славу своей державы. За что же вражеская крамола такъ неотступно искала его смерти? За то она и искала его смерти что онъ былъ неистощимъ въ своихъ благодѣяніяхъ для Русской земли, за то что онъ такъ возвеличилъ и скрѣлилъ свою державу, за то что онъ лоднялъ духъ своего народа, за то что онъ слѣдовалъ лризывамъ его духа.

Не личной гибели Царя искали враги, но разрушенія Русскаго государства. Тайная крамола локушалась разными способами внести смуту въ нашъ народъ, взволновать его и лодвинуть къ безсмысленнымъ мятежамъ. Только въ одной части Русской державы, на крайнемъ западѣ,—только въ одномъ слоѣ населенія, въ лольской шляхтѣ, удалось заговору возбудить безсильный мятежъ; но никакія ухищренія обмана не могли внести смуту въ коренной Русскій народъ. Напрасно разчитывалось на столкновеніе сословій вслѣдствіе отмѣны крѣлостнаго

права; напрасно разбрасывались въ народѣ такъ-называемыя золотыя грамоты, напрасно предпринимались такъ-называемыя хожденія въ народъ. Всѣ эти попытки были посрамлены здравымъ смысломъ Русскаго народа, крѣпостію живущихъ въ немъ преданій, его непобѣдимымъ духомъ воспитаннымъ подъ сѣнію Православной Церкви. Оставалось надѣяться на скудоуміе нашего образованія, и вотъ здѣсь обманъ восторжествовалъ легко; онъ проникъ въ наши офиціальныя сферы, онъ овладѣлъ нашею печатью и обложилъ осадой нашу бѣдную школу, употребляя всѣ способы интриги чтобы не дать установиться въ ней правильному порядку ученія и воспитанія. Подъ именемъ либерализма было пущено безсмысленнѣйшее отрицаніе всего. Въ этой средѣ, исполненной гніенія и лжи, лишенной достоинства и чуждой своему народу, вражеская крамола, пользуясь всѣми способами прельщенія и разврата, набрала себѣ контингентъ слугъ, закрѣливъ ихъ за собою страхомъ смерти, — слугъ готовыхъ волею или неволею на всякое злодѣяніе. Но какъ могла бы эта сволочь поколебать и разстроить Русскую державу? Ей предстояли два пути: или постепенно и постоянно вносить отраву въ образованные слои общества, развращать учащуюся молодежь, подкапываться подъ школу и работать такимъ образомъ для пагубныхъ цѣлей въ будущемъ; либо избрать болѣе краткій и рѣшительный путь цареубійства. Послѣдній путь былъ принятъ въ безумной надеждѣ повергнуть страну въ хаосъ и среди всеобщаго смятенія захватить власть и раздробить государство.

Злодѣяніе совершилось, но что же выходитъ послѣдствіемъ? Паденіе ли власти, расторженіе ли государства? Нѣтъ, никогда самодержавіе Русскаго Государя не было такъ могущественно, такъ безспорно, такъ незыблемо твердо въ сердцѣ народа какъ теперь, послѣ этого злодѣянія которое только новыми священными узами соединило Русскій народъ съ его Вождемъ, осіявъ вѣнцомъ мученичества Царя-Освободителя.

При первой вѣсти о страшномъ событіи невольно сказалось: „мученическая смерть!“, невольно всѣмъ народомъ почувствовалось что Царь его палъ безвинною искупительною жертвой за свой народъ. Народъ будетъ чтить

его ламять не только съ любовію и благодарностію какъ Царя-Освободителя, но и съ благоговѣніемъ какъ мученика, и это чувство перенесетъ онъ на самое начало власти перешедшей къ его Преемнику. Издѣвайтесь сколько хотите надъ народомъ, но несомнѣнно то что въ его чувствѣ истинная сила государства, а не въ томъ что вы зовете общественнымъ мнѣніемъ съ его гнилымъ либерализмомъ. Издѣвайтесь надъ народнымъ чувствомъ сколько хотите, но оно преодолѣетъ васъ и сотретъ ваши мнѣнія, сколько бы смутъ и зла вы ни успѣли надѣлать....

---

15 марта останки мученически скончавшагося Царя-Освободителя преданы землѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ, усыпальницѣ Царствующаго Дома. Задолго до начала богослуженія храмъ оказался рѣшительно переполненъ. Здѣсь были налицо всѣ генералъ-губернаторы, исключая туркестанскаго и сибирскихъ, и множество делутацій. Москва выставила наиболѣе представителей. Въ $10^{3}/_{4}$ съѣздъ въ Соборъ окончился. Герольды въ тратуарѣ стояли у входа; церемоніймейстеры наблюдали чтобы въ Соборъ никто не проникъ безъ особаго билета.

Государь подъѣхалъ къ лаперти Собора, вмѣстѣ съ Императрицею, въ 11 часовъ. По занятіи Ихъ Величествами мѣста на возвышеніи у гроба, послѣ того какъ, встрѣченные митрополитомъ, Они приложились ко кресту, началась литургія. Богослуженіе совершалъ митрополитъ Исидоръ. Стройное пѣніе двухъ хоровъ, лаврскаго и придворнаго, было дивнымъ сочетаніемъ гармоническихъ звуковъ какъ бы извлекаемыхъ гдѣ-то внѣ храма, и издали долетавшихъ до слуха молящихся. Иностранцы бывшіе въ Соборѣ невольно подчинялись обаянію торжественности богослуженія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за ходомъ службы. Величественны были минуты когда во время перенесенія даровъ, чтенія Евангелія и пѣнія за упокой, всѣ, начиная отъ Царя, преклонили колѣна. Литургія окончилась въ 12 ч. 30 м. пополудни. Предъ началомъ ланнихиды августѣйшія иностранныя особы, во время литургіи остававшіяся въ шатрѣ у входа въ Соборъ, направились ко гробу и заняли мѣста среди нашей Царской Семьи. Впереди

шелъ Германскій наслѣдный принцъ, ведя принцессу Вельсскую подъ руку. Принцы были въ русскихъ лентахъ. Панихиду совершалъ митрополитъ Исидоръ въ сослуженіи преосвященныхъ Макарія и Филовея, Бажанова и другихъ членовъ высшаго духовенства. Предъ окончаніемъ отпѣванія Императорское знамя, стоявшее въ послѣдніе скорбные дни у изголовья гроба, было взято, и Государь всталъ у изголовья гроба. При возглашеніи вѣчной памяти всѣ преклонили колѣна. Затѣмъ наступила торжественная трогательная минута. Государь, Императрица, всѣ Великіе Князья, Великія Княгини и августѣйшія иностранныя особы вновь приблизились ко праху почившаго Царя и отдали послѣднее цѣлованіе. Государь сильно взволнованный не удерживалъ слезъ струившихся по лицу. По принесеніи восемью генералъ-адъютантами крышки гроба и по снятіи восемью генералами свиты Его Величества покрова и отнесеніи онаго въ алтарь, Государь, согласно установленному церемоніалу, уложилъ порфиру во гробъ. Послѣдовало прикрѣпленіе крыши ко гробу. Затѣмъ гробъ былъ поднятъ для перенесенія къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. Гробъ несли Государь и всѣ члены Царской Семьи и Августѣйшіе родственники. Государь Императоръ несъ гробъ у изголовья, рядомъ съ Нимъ поддерживали гробъ Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи. Торжественная процессія, имѣя во главѣ трехъ митрополитовъ и члена Синода Бажанова, приблизилась къ могилѣ. Здѣсь была отслужена краткая литія съ возглашеніемъ вѣчной памяти. Всѣ пали на колѣна; во храмѣ послышались рыданія. Печальный обрядъ окончился; гробъ опустили въ могилу. Это было въ часъ тридцать минутъ....

Московскія Вѣдомости 12 марта.

Безпрерывно, отъ ранняго утра до поздняго вечера, толпы народныя въ Петербургѣ идутъ и идутъ нескончаемою вереницей къ мѣсту ознаменованному мученическою смертью Русскаго Царя павшаго отъ измѣнническої руки направленной заклятыми врагами Его народа.

На мѣстѣ *крови* обыденно устроена часовня изъ зелени, безпрерывно наполняемая приносимыми цвѣтами и вѣнками; въ часовнѣ—икона Богоматери. Проходятъ недѣли со дня событія, а потокъ народный не прерывается. Тысячи идутъ и идутъ, люди всѣхъ сословій и возрастовъ, матери съ грудными младенцами. Въ толпѣ предъ часовней слышатся слова молитвы и рыданія.

А въ это самое время, поодаль, воины либерализма *объ одеждѣ его мечутъ жребій*...

Очувствуются ли они, образумятся ли эти лжелибералы, окажется ли въ нихъ достаточно честности и гражданскаго мужества чтобы возвыситься и надъ самолюбіемъ, и надъ ходячимъ обманомъ, и проклясть то что они зовутъ „либерализмомъ“ и что по-русски зовется звонкимъ словомъ „измѣна“,—измѣна своему народу, а затѣмъ волею или неволею и всему остальному...

Въ нашемъ образованномъ обществѣ первый признакъ человѣка политически незрѣлаго и *mente capti* есть мысль о либерализмѣ и консерватизмѣ какъ двухъ партіяхъ въ Россіи. За то первымъ признакомъ ума стряхнувшаго съ себя обманъ будетъ отреченіе отъ этого фальшиваго дѣленія, навязавшагося намъ со стороны и отуманившаго насъ. Оно внесло въ наши умы первую смуту, изъ которой, одно за другимъ, возрастая числомъ и размѣрами, выходятъ всѣ наши гибельныя недоразумѣнія.

Такъ какъ мы жить своимъ умомъ не привыкли, и не привыкли отдавать себѣ самостоятельный отчетъ въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, и такъ какъ мы не можемъ обойтись безъ того чтобы не смотрѣть по сторонамъ и не приравниваться къ чужимъ образцамъ, то не худо нашимъ такъ-называемымъ либераламъ и консерваторамъ оглянуться на страну гдѣ политическія партіи выходятъ на чистоту и очерчиваются съ особенною яркостью.

Въ странѣ во многомъ глубоко несходной съ нами, но также великой и смотрящей въ будущее, въ Сѣверной Америкѣ нѣтъ и помину о партіяхъ либеральной и консервативной въ политическомъ смыслѣ. За то тамъ есть двѣ партіи, которыя постепенно и открыто борются между собой. Въ первой вся центростремительная сила государства, которою зиждется его единство и держится его цѣ-

лость, патріотическій духъ и національное чувство: это партія государственная, которая въ Америкѣ зовется республиканскою. Другая представляетъ собою движеніе центробѣжное, партія расторженія и разложенія, которая отъ этала къ эталу влечетъ людей къ измѣнѣ и бунту: она зовется въ Америкѣ демократическою партіей. Всѣмъ извѣстно въ которой изъ этихъ двухъ партій великой заатлантической страны присутствуетъ духъ жизни и свободы и которая, напротивъ, была оплотомъ рабства. Духъ космополитизма, нечистый духъ политической безнравственности, расторженія и разложенія, вотъ что̀ роднитъ нашихъ либераловъ съ антинаціональною партіей въ Сѣверной Америкѣ и въ чемъ не уступятъ имъ и такъ-называемые наши консерваторы, которые забыли свой народъ и ратуютъ лишь за отвлеченные принципы.

Въ Россіи государственную партію составляетъ весь Русскій народъ. Гнилой либерализмъ и гнилой консерватизмъ оказываются только въ нашемъ гнилomъ космополитическомъ и поверхностномъ образованіи. Въ годину опасности и великихъ событій, когда могущество поднимаетъ въ сердцахъ народное чувство, гниль исчезаетъ, умы оживляются и все противу-государственное, все противу-народное, и всякая политическая безнравственность и предательство съ трепетомъ прячутся въ свои норы. Все по истинѣ великое и плодотворное зачинается въ эти минуты пробужденія народнаго духа. И вотъ, въ виду опасности грозящей намъ страшными смутами, въ виду совершившагося безпримѣрнаго злодѣянія, въ виду этого наругательства надъ нашимъ народомъ, этого предательства вступившаго въ союзъ съ анархіей, — неужели въ насъ не пробудится во всемъ своемъ могуществѣ русскій народный духъ? Неужели не пора исчезнуть всякимъ партіямъ на Руси, кромѣ той которая едино съ Русскимъ народомъ?

ПЕРВОЕ МАРТА.

Убитъ... убитъ!.. Да! Русскій Царь убитъ—
Нашъ кроткій, добрый Царь!.. Теперь, истекшій кровью,
Онъ—бездыханный трупъ! Онъ, царственной любовью
Животворившій Русь, истерзанный лежитъ
Въ своемъ дворцѣ теперь—и гробъ уготовляютъ,
И о покойникѣ колокола гудятъ....

И гдѣ же тѣ—гдѣ этотъ самый адъ,
Откуда демоны убійства излетаютъ?
Гдѣ самый горнъ, гдѣ ковы ихъ куютъ,
Откуда какъ слѣпыхъ рабовъ ихъ разсылаютъ,
Пароль и лозунгъ имъ даютъ?...

Убитъ!... И кто жь убійца!.. О, нѣтъ нужды,
Полякъ онъ, иль Еврей, иль Русскій—свой иль чуждый,
Теперь ужь все равно!
Одно въ насъ чувство, да! ужасное, одно—
Да! всѣ мы—Русская земля—мы чуемъ
Что тяжкій грѣхъ на насъ, какъ тѣнь отъ тучи, легъ.
Великаго Царя намъ посылаетъ Богъ;
Онъ сыплетъ милости, въ восторгѣ мы ликуемъ;
Онъ вѣковыя съ насъ снимаетъ тяготы;
Освобожденную уже ведетъ Россію
Освобождать другихъ, у коихъ отняты
Все, имя и права,—ведетъ подъ Византію—
Влилась всей Руси мысль, казалось, въ мысль Его—
И вдругъ, враги внутри, и адскій ковъ за ковомъ,
И царскій сталъ вѣнецъ Ему вѣнцомъ терновымъ!..
И вотъ убитъ!... И мы стоимъ вокругъ Него
Въ оцѣпенѣніи и видимъ ужь въ грядущемъ

Исторія корить насъ вѣчно будетъ Имъ,
Воздвигнувъ ликъ Его не свѣтлымъ и цвѣтущимъ,
Свѣтящимся лишь ломысломъ благимъ,
Улыбкою кругомъ веселье раздающимъ,—
А съ кроткой грустію взглядъ обращенный къ намъ:
„За что жъ? какое зло Я, дѣти, сдѣлалъ вамъ?...“
О Царь излюбленный! О, будь и по кончинѣ
Ты намъ хранителемъ!... Да будетъ намъ отнынѣ
Кровавый образъ Твой—и нашей лустоты
И нашей шатости навѣкъ во обличенье!
И кровь что по грѣхамъ по нашимъ пролилъ Ты,
Твоя святая кровь да будетъ во спасенье
И отрезвленіе для всей земли родной,
Какъ жертва, какъ залогъ послѣдній искупленья
Здѣсь довершившій подвигъ Твой!

3 марта.

А. МАЙКОВЪ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и пр., и пр., и пр.

Объявляется всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Господу Богу угодно было по неисповѣдимымъ путямъ Своимъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея Благодѣтеля Государя Императора Александра II. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ неоднократно покушавшихся на Его драгоцѣнную жизнь; они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла, и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Подъемлемъ тяжкое бремя Богомъ на Насъ возлагаемое съ твердымъ упованіемъ на Его всемогущую помощь: да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ. Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту нашихъ предковъ всю жизнь Нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ нашихъ вѣрноподданныхъ соединить съ Нашими мольбами свои предъ алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ Петербургѣ въ 1 день марта. Лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашего первое.

„АЛЕКСАНДРЪ."

Дозволено цензурой. Москва, 17 апрѣля 1881 года.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бул.

2007096023